

Вѣра въ безсмертіе души у древнихъ *)).

Чѣмъ болѣе станемъ углубляться въ древнія преданія и легенды, тѣмъ яснѣе, тѣмъ отчетливѣе будемъ усматривать въ нихъ тѣ великія истины, которыя намъ передала религія, и которыя человѣкъ какъ-бы предчувствовалъ еще въ своемъ младенчествѣ. Одѣтыя въ формы мистицизма, искаженныя въ послѣдствіи грубыми понятіями человѣка, онѣ оставили ясныя слѣды свои въ пѣсняхъ орфическихъ, въ обрядахъ первобытнаго Египта, Индіи, Китая, Италіи и т. д. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ находимъ отблески высокаго понятія о божествѣ и человѣкѣ, о нравственности. Словомъ, человѣкъ въ самой ранней юности въ первыхъ дняхъ своего младенчества, сознавалъ уже присутствіе единой, творческой силы и высокое свое назначеніе.

Ошибочно однако думаютъ многіе, что религія была какъ-бы произведеніемъ умственнаго развитія человѣка, что человѣкъ, вышедши изъ звѣрскаго почти состоянія, только тогда почувствовалъ потребность религіозныхъ учрежденій. Религія была откровеніемъ свыше, современнымъ сотворенію перваго

---

*) Сообщено.

человѣка. Въ первыя времена, она является намъ чистою и великою, какъ самъ ея Создатель, и только современемъ, когда, подобно природѣ, жизнь падшаго человѣка подверглась сильнѣйшимъ переворотамъ, и борьба чувствъ физическихъ и нравственныхъ повергла человѣка въ міръ страстей и чувственной роскоши, религія первоначальная, ниспосланная самимъ Богомъ, исказилась въ формахъ политеизма и омрачилась ученіями жрецовъ. У всѣхъ народовъ, однако, встрѣчаемъ поразительное единство преданій: подъ грубыми формами политеизма сохранились догматы религіи первоначальной: между самыми даже грубыми понятіями о религіи, находимъ представленіе о троицѣ, преданія о потопѣ, раѣ; въ тайнахъ елевзинскихъ сохранились признаки всѣхъ первоначальныхъ истинъ; въ книгахъ санскритскихъ находимъ преданіе о первомъ человѣкѣ, который назывался *Адимо* (наше Адамъ); индѣйскій Брама сотворилъ человѣка изъ болота и поселилъ его въ Шоршіамъ—землѣ всѣхъ благъ; тамъ произрастало дерево, вкушая плодъ котораго, человѣкъ дѣлался бессмертнымъ. Другіе меньшіе боги, подчиненные Брамѣ, боясь смерти, нашли и вкусили этотъ плодъ. Змѣй Шеенъ, сторожившій дерево, такъ былъ озлобленъ этимъ поступкомъ, что разлилъ свой ядъ по всей землѣ и, въ слѣдствіе этого, ни одно твореніе не осталось бы въ живыхъ, если бы Богъ Сива, принявъ на себя человѣческій видъ, не изсосалъ весь этотъ ядъ.

Въ легендѣ этой ясно просвѣчиваетъ образъ библейскаго вѣроученія о созданіи, паденіи и спасеніи людей.

Одна изъ важнѣйшихъ истинъ книги Бытія—это обѣщаніе Спасителя, символомъ кровавой жертвы котораго было приношеніе для всесожженія перворожденныхъ животныхъ. Находимъ также, что въ древности всѣ народы вѣрили въ необходимость покаянія.

Единство преданій, какъ мы уже сказали, показываетъ ясно, что религія не родилась сама собою, какъ слѣдствіе умственнаго развитія человѣка, его душевныхъ потребностей; преданія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, повторяющіяся у всѣхъ народовъ, указываютъ намъ на религію, какъ на единственный источникъ нравственнаго начала, какъ на истинны откровенныя самимъ Богомъ. Народное самолюбіе присвоивало себѣ событія, принадлежащія цѣлому человѣчеству, пылкое воображеніе, лишенное всякаго умственнаго сужденія, старалось преданія первоначальныя передать въ нѣсколькихъ фантастическихъ группахъ, прикрывая ихъ аллегоріями, связанными съ исторіею каждаго народа отдѣльно, и потому-то легенды эти, съ перваго взгляда, кажутся намъ какъ-бы исторіею одного только народа; поразительное ихъ единство, однако, доказываетъ, что онѣ должны были произойти изъ одного и того же источника.

Характеристическая черта всѣхъ преданій и обрядовъ—это вѣра въ безсмертіе души—ясное предчувствіе, что душа переживетъ тѣло.

Нѣтъ души! восклицаютъ постоянно псевдо-философы. Нѣтъ души! повторяютъ физиологи-матеріалисты, не указывая ни на какія данныя, а увлекаясь лишь *духомъ времени*. Но откуда же эта вѣра у народовъ почти дикихъ, отличающихъ смерть человѣка отъ смерти животнаго? Откуда вѣрованіе въ свое безсмертіе у египтянина, воздвигающаго для мумій огромныя пирамиды, пережившія тысячи лѣтъъ, у камчадала, владущаго собаку у гроба покойника, у дикаго зеландца, умирающаго съ полною увѣренностью, что онъ переносится въ край духовъ, у чернокожника, вызывающаго тѣла, и простолюдина, вѣрующаго въ привидѣнія изъ загробнаго міра?

«Не плачьте, говорится въ Самаведѣ, но исполняйте все должное умершимъ».

Откуда, спрашиваемъ еще разъ, эта увѣренность, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ существъ: матеріальнаго и ду-

ховнаго, о чемъ едва черезъ нѣскольکو тысячъ лѣтъ говорили наши философы.

Это безсознательное стремленіе духовной частицы человѣка къ своему началу—частицы божества къ своему источнику.

Греки отличали въ человѣкѣ четыре отдѣльныя существа: *матеріальное* или *тѣло*, превращающееся въ пенель, *душу*, поселяющуюся, согласно заслугамъ, въ тартаръ или на елисейскихъ поляхъ, *призракъ* и *тѣнь*, скитающуюся около гробницъ умершихъ.

Идея безсмертія души человѣка, съ особенною силою выражена въ Багавадъ-Гита, хотя она и отгѣнена здѣсь чертами пантеистическаго представленія.

«Я душа, пребывающая во всѣхъ тѣлахъ,—говоритъ Кришна,—я начало, середина и конецъ всего творенія. Между адитіасъ, я Вишну; между звѣздами, я солнце; луна между Нашиатрасъ; Индра между Девисъ; между Рудра, Сива; Врипатрисъ среди святыхъ жрецовъ.... между буквами, я—а. Но къ чему говорить болѣе? Міръ цѣлый покоится въ моемъ существѣ».

Понятіе о наказаніи и наградахъ въ будущей жизни—объ адѣ и раѣ, встрѣчаемъ въ повѣрїяхъ всѣхъ народовъ ¹⁾. Даже жители Новой Зеландіи вѣрятъ, что души праведныхъ добрые духи, и души злыхъ, подъ именемъ Тіисъ, искушаютъ человѣка.

Въ одной изъ символическихъ молитвъ индіанъ между прочимъ говорится: «О луна! береги насъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, и соедини насъ тамъ, гдѣ пребываетъ вѣчное счастье, верхъ блаженства и мелодіи».

Вѣрованіе древнихъ въ безсмертіе души человѣка, болѣе всего отражается въ ихъ похоронныхъ обрядахъ.

Древніе земную жизнь человѣка, въ сравненіи съ его жизнью загробною, считали самымъ короткимъ временемъ и потому они менѣе были старательны въ строеніи домовъ, чѣмъ гробницъ—тѣхъ вѣковыхъ пирамидъ и обширныхъ некрополей,

¹⁾ Подъ именемъ аменті или аді у древнихъ египтянъ, навѣрно было мѣсто вѣчныхъ страданій, куда попадали души грѣшниковъ.

какія находимъ въ Египтѣ, около Оивъ, Ликополисъ, Мемфиса, Абидоса и т. д.

Но мы должны здѣсь замѣтить, что жертвы, приносимыя древними въ честь умершихъ, выходили изъ побужденій страха, но не любви.

У римлянъ, хозяинъ дома, послѣ смерти одного изъ семьи, въ полночь становился у своихъ дверей, движеніемъ руки прогонялъ духовъ, трижды погружалъ руки въ воду и, взявъ въ уста чернаго бобу, бросалъ его назадъ себя, говоря: «даю вамъ это, искупая себя и своихъ». Проговоривъ эти слова девять разъ, онъ опять погружалъ въ воду свои руки и, ударяя молоткомъ въ мѣдную посуду, восклицалъ: *прочь духи отцовскіе!*

Древніе, сожигая тѣла ¹⁾ и изливая кровь изъ жертвъ въ могилу покойника, думали тѣмъ успокоить его душу и отвратить вредное ея вліяніе на жизнь человѣка.

Языческія тризны или поминки нашихъ предковъ, кажется намъ, были слѣдствіемъ того же самаго чувства. У насъ, въ простонародіи, до сихъ поръ существуетъ повѣріе, что души умершихъ, не получающія никакой помощи изъ этого міра, навѣщаютъ родныхъ, не давая имъ покоя по ночамъ, и даже стараются отомстить это забвеніе, изливая свой гнѣвъ иногда на цѣлую семью.

Во всѣхъ преданіяхъ и обрядахъ нашего народа, получившихъ начало изъ одного и того же источника, находимъ также это целное и бессознательное вѣрованіе въ жизнь посмертную, которое столь рельефно отразилось на всѣхъ памятникахъ и преданіяхъ старины. «Сила и матерія—вотъ начало творенія», говорятъ псевдо-философы. Но пусть намъ укажутъ, гдѣ покоится эта сила, гдѣ начало творенія. Человѣкъ, гово-

¹⁾ Душа человѣка, по мнѣнію древнихъ, освобождалась изъ тѣла только послѣ его разложенія, а потому сожиганіемъ этой матеріальной оболочки ускоряли ея разлученіе съ душою, которая улетала въ высшія сферы.

рять они, это *матерія органическая*, смерть—разрушеніе ся атомовъ. Ученіе пантеистовъ Спинозы, Шеллинга, Гегеля и др. хотя и говорятъ о духѣ человѣческомъ, но ведутъ къ отрицанію ученія о личномъ безсмертіи души человѣческой. Доказательства, приводимыя противъ этихъ ученій, основана на началахъ нравственности, потому, что при отрицаніи жизни будущей, не были бы исполнены законы нравственные, и послушаніе или непослушаніе имъ было бы вещью совершенно безразличною. Слѣдую ученію пантеистовъ, слова *зло* и *добро* не имѣли-бы совершенно никакого значенія, какъ не имѣли бы значенія всѣ дѣянія человѣчества, даже самое человѣчество. Слѣдую даже примѣру псевдо-философовъ, утверждающихъ, что въ природѣ нѣтъ ничего безъ причины, мы до сихъ поръ не нашли сужденій, которыя указали бы намъ причины появленія тѣхъ великихъ идей, которыя мы встрѣчаемъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ предъ симъ у народовъ самыхъ грубыхъ и самыхъ невѣжественныхъ.

Рамали! ¹⁾ преклоняя съ благоговеніемъ голову, говоритъ дикій Омбаецъ, указывая могилы своихъ праотцевъ. Неужели отрицаніе безсмертія души могло создать столь высокое почитаніе умершихъ? Платонъ смерть называетъ тяжелыми родами въ бытіи безсмертія. Тоже самое повторяетъ Сенека Юр. 2. Талмудъ говоритъ: «Смерть челоѣка столь же полна таинственности, какъ и его начатіе».

Такъ лучшіе философы, какъ и цѣлые народы всегда вѣрили безсмертію, вѣра въ которое есть наслѣдіе первобытнаго откровенія. Послѣ этого, теоріи псевдо-философовъ, отрицающихъ эту св. истину, по справедливости должны быть названы *deliriis somniis*.

Изн. Крестосельскій.

—o-o-w-i-c-e—

¹⁾ Т. е. святыня нерушимая, неприкосновенная.